

Завьялова А. П., Екатеринбург
(науч. рук. – Петров И. В.)

Автор и герой в романе А. Рубанова «Хлорофилия»

Zavyalova A. P.

Author and character in the «Chlorophilia» by A. Rubanov.

Предмет анализа – соотношение «автор – герой» в романе-антиутопии Андрея Рубанова «Хлорофилия». Показано, как автор делает попытку прогноза вероятного будущего России, предостеречь от образа жизни, ведущего к неминуемой катастрофе. Главный герой романа является типичным героем антиутопии, замкнутое пространство которой в «Хлорофилии» разрушается, и за его пределами истинные ценности человечества вновь обретают смысл.

Ключевые слова: антиутопия; авторская позиция; позиция героя; образ будущего; антиутопическая концепция мира.

The subject of analysis are the relationship of the author and the character in the novel-dystopia by Andrey Rubanov «Chlorophilia». The author in the novel makes an attempt to predict a probable future for Russia and to warn against a way of life leading to an imminent catastrophe. The protagonist of the novel is a typical hero of dystopia, which the omniscient narrator brings with the help of secondary characters, images, symbols to the main conclusion. The closed space of dystopia in "Chlorophilia" is destroyed, and outside of it the true values of mankind again acquire meaning.

Keywords: dystopia, author's position, protagonist's position, image of the future, dystopian concept on world.

В романе Андрея Рубанова «Хлорофилия» делается попытка найти решение проблем настоящего времени через образ мира XXII века и образ типичного его представителя. В этом произведении создаётся ощущение неминуемой катастрофы, которая может привести к тому, что мир, уставший от безумного потребительского образа жизни человечества, избавится от главного источника проблем – самого человека. Для современной русской литературы этот роман имеет значение, как роман остросоциальный и злободневный, роман, который даёт свой ответ на вопрос – как быть дальше?

«Хлорофилия» относится к жанру антиутопии, который является своеобразным прогнозом возможного будущего, рассматривает каждое явление с критической точки зрения, является средством поиска дальнейших путей человечества, аналитиком проблем современного мира. Антиутопия вступает в вечный спор с идеалистическими взглядами утопии, оспаривая всё, что она

предлагает, с позиции жёсткого критика, находящегося в непрерывном мыслительном процессе, конец которому никогда не наступит. «Утопическая литература позволяет предвосхитить вероятное отдаленное будущее, которое не может быть научно предсказано, и предостеречь от некоторых нежелательных тенденций, существующих в обществе (в том числе в латентном состоянии) в плане изучения их последствий» [Филатов 2014: 85]. Утопическая мысль предвосхищает новую форму действительности, является не просто безумной надеждой на лучшее, а художественным олицетворением ответвлений будущего. Антиутопия же как «антижанр» [Морсон 1991: 233] отрицает выстраиваемые утопией варианты будущего, разрушает идиллию и всегда выходит за горизонты утопического мира, разрывает условно гармоническое пространство, чтобы доказать невозможность его существования.

Пространство «Хлорофилии» строится на контрасте – опустевшая страна и Москва, вместившая в себя практически весь народ будущего. Москва – основное место событий – не является абсолютно закрытой для всего остального мира. Вот история превращения Москвы в некое подобие антимира, представленная в самом романе: «в какой-то момент Москва вместила всех граждан России. Миграционные процессы стали необратимо центростремительными. Все, кто хотел (а хотел почти каждый), перебрались в столицу и осели. Гигантские пространства обезлюдели, потом пришли в запустение» [Рубанов 2010: 37]. Огромные пустые территории всей России противопоставляются густонаселённой Москве, в которой собрался весь российский народ. Условием, которое не даёт людям жить не в Москве, является финансовая система нового века: получать деньги можно только будучи москвичом, на микрочип, вживлённый под кожу.

Предыстория романа представляет собой логичный и реально возможный в действительности путь развития России. Рубанов в романе говорит, что «наконец произошло накликаемое учёными таяние полярных льдов, то самое ожидаемое всеми глобальное потепление, которым пугали детей ещё в XX

веке» [Рубанов 2010: 37], территории многих стран частично ушли под воду, и российские «дикие поля» в Сибири оказались практически единственной пригодной для жизни территорией на материке. «К началу последней трети XXI века население России сократилось до сорока миллионов» [Рубанов 2010: 37], и все они уместились в Москве. Масштабы мира были колоссально сокращены, и Москва, по сравнению с территорией всей России, – ничтожно мала. Художественное пространство в романе Рубанова имеет естественные обоснования, закрытое пространство «Хлорофилии» создано самой природой. И в этом пространстве функционируют и главный герой, и те, кто его окружает.

Главный герой «Хлорофилии», являющийся связующим звеном всех эпизодов романа, – Савелий Герц, пятидесятидвухлетний журналист самого популярного в Москве журнала, типичный представитель современной ему Москвы. Он живёт так же, как все, совершает те же незаконные действия, что и все остальные. Однако ужасную правду о последствиях поедания травы, поглотившей Москву, он узнаёт одним из первых от персонажей, играющих в романе ключевые роли.

«Социальная среда и личность – вот основной конфликт антиутопии» [Ланин 1993: 158], и Савелий Герц в финале романа, как нам кажется, одерживает победу над губительной средой XXII века. Мотив живого и неживого как способ выражения конфликта прослеживается на протяжении всего романа. Мир будущего в «Хлорофилии» отказывает человеку в его естественном облике. Есть «интерактивный макияж», с помощью которого можно придать себе любую внешность. Он обезличивает человека, делает из него нереальную, безжизненную модель компьютерной графики. Так же и человекоподобные андроиды, которые «умеют обижаться» и внешне абсолютно не отличаются от человека, вытесняют людей из некоторых сфер деятельности. Мир высоких технологий отказывает человеку в его природе, духовной индивидуальности, полностью заменяет человека и практически ставит робота в один ряд с ним.

Авторское отношение к новому миру «Хлорофилии» раскрывается через пейзаж города. На протяжении всего романа Москва изображается мрачной и пугающей. В начале это «белые и серые здания, пирамиды, конусы и параллелепипеды, меж ними, густо, зелёные острия стеблей» [Рубанов 2010: 55] и «небо, застёгнутое на жёлтую пуговицу» [Рубанов 2010: 55], в середине – «пространство, перечёркнутое вертикальными линиями стеблей», «чернильные небеса» [Рубанов 2010: 104], в конце – «города не существовало. Вертолёт летел над ярко-зелёным лугом. Торчащие из травы верхушки башен смотрелись чужеродно» [Рубанов 2010: 238]. Примечательно, что и Савелий Герц, и его жена видят Москву такой же, как её видит рассказчик. «Как будто из-под земли торчит змеиный хвост» [Рубанов 2010: 5], – говорит Варвара о траве. Концептуально-философская функция пейзажа заключается в том, что он раскрывает общее для автора и героев видение проблемы: даже трава – живой организм, описана как что-то неестественное и сравнивается с «острием», и всё пространство «перечёркнуто» ими, город исчез, погребённый под травой. Вместе с городом и сам человек кажется неестественным и потерянным, в нём исчезает всё человеческое и он в прямом смысле превращается в траву.

Антиутопия Рубанова оказывается антропоцентричной, герой в её пространстве не утрачивает своей индивидуальности, утопический акцент на общность людей смещается в сторону внутреннего мира и эстетического опыта отдельного человека. Именно это и обуславливает центральный конфликт романа. Главный девиз жителей Москвы XXII века в «Хлорофилии»: «ты никому ничего не должен» [Рубанов 2010: 6]. Рассказчик поясняет: «никто никому ничего не должен. Никто не обязан. Никто не согнут под бременем необходимости» [Рубанов 2010: 7]. Вопреки этому девизу и поступает Савелий Герц. Подобный девиз пародирует утопические призывы, способные вдохновлять людей, и, в то же время, отражает суть современного общества, демонстрирует ярчайшее проявление социальной проблемы XXI века. В.И. Филатов использование подобных параллелей с современностью объясняет такими функциями антиутопии, как «рефлексивная», «познавательная»,

«прогностическая», «идеологическая» и «охранительная» [Филатов 2014: 85]. Девиз «Хлорофилии», появляясь в экспозиции романа, разрушается в развязке.

«Авторский замысел пользуется чужим словом для продвижения своих устремлений» [Бахтин 1979: 223]. Субъектная организация антиутопии действительно тяготеет к монологизму, когда речь героев служит, прежде всего, средством для раскрытия авторской концепции реальности. И в слове Савелия Герца звучит мысль о том, что спасти нужно не только себя, но и всех остальных, он ощущает свой «долг» перед людьми. Он говорит: «мне все равно, как я себя чувствую. Мне наплевать, какой у меня диагноз. Мне всё равно, на солнце я или в тени. Мне всё равно, кто я. Стебель, животное, гомо сапиенс. Травоед, людоед, бедный или наоборот. Я становлюсь человеком каждый раз, когда совершаю человеческий поступок. И пока у меня есть разум и сердце, я буду пытаться совершать такие поступки каждый день, каждую минуту. Мне всё равно, кем я буду завтра. Тем более послезавтра. Если сегодня я человек, я сделаю всё, чтобы им остаться» [Рубанов 2010: 313]. Пройдя сложный путь, главный герой пришёл к истине, которую, по нашему мнению, автор считает главной истиной романа: всегда нужно оставаться человеком, чтобы не допустить всеобщего разложения, превращения в «растения», чтобы сохранить мир не только как место жительства, но и как духовно-нравственную ценность человечества.

Литература

Бахтин М. М. Типы прозаического слова. Слово у Достоевского // Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского 4-е изд. – М., 1979. С. 210 – 231.

Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. – М., 1972. С. 20 – 50.

Ланин Б. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. №5. – С. 154-163.

Лейдерман Н. Л. Теория жанра: научное издание / Институт филологических исследований и образовательных стратегий «Словесник» УрО РАО; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – 904 с.

Морсон Г. Границы жанра // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

Рубанов А. Хлорофилия / А. Рубанов. – М. : Астрель: АСТ, 2010. – 314 с.

Филатов В. И. Антиутопия XX века как метод предвидения будущего // Вестн. Ом. ун-та. 2014. №4. – С. 84-86.

Чаликова В. А. Предисловие к «Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы»: Пер. с разн. яз. / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. – М.: Прогресс, 1991. – 405 с.

Носкова А. Ю., Екатеринбург
(науч. рук. – Снигирева Т. А.)

«Кромешный мир» поэзии Александра Вавилова

Noskova A. Yu.

The oblique world in the poetry of A. Vavilov

Статья посвящена анализу поэтического мира А. Вавилова. В работе обозначены основные параметры «кромешного мира» уральского поэта. В результате анализа были сделаны выводы о том, что в поэзии А. Вавилова складывается образ антимира, изнаночной действительности, которая может как олицетворять состояние души лирического героя, так и служить приемом оценки реального мира.

Ключевые слова: современная поэзия Урала, поэтическое пространство, кромешный мир, абсурд, гротеск.

The article is devoted to the analysis of A. Vavilov's poetic world. The main parameters of the "oblique world" of the Ural poet are indicated in the work. As a result of the analysis, it was concluded that the image of the anti-world, the purity of reality, which can both represent the state of the lyric hero's soul, and serve as a means of assessing the real world, are formed in Vavilov's poetry.

Keywords: modern poetry of the Urals, poetic space, the oblique world, absurd, grotesque.

Лирика Александра Вавилова амбивалентна по своей сущности: музыка жизни у него соседствует со страхом и безысходностью, необъятное пространство планеты с теснотой больничной палаты, свет – с тьмой. В его поэтическом мире «черного карнавала» и «гротескных диссонансов» можно проследить связь с концепцией М. Бахтина [Бахтин 1965: URL], в которой двойственность, контрастность, перевернутость (из которой произрастает сниженность) явлений играют основополагающую роль.

В поэзии А. Вавилова присутствуют настроения трущобной жизни. Это не выражается так откровенно, как у Бориса Рыжего, в стихах которого действие разворачивается в неблагополучной части города, на самом его